

Д. В. Яковлев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: РОЛЬ СМИ

Проблема определения постсоциалистической реальности в научном дискурсе стала характерной чертой развития политологии в нашей стране. Это неудивительно — становление науки о политике в Украине пришлось на период кризиса коммунистической идеологии и трансформации экономической и политической систем. Перемены затронули все институты общественной жизни, и, конечно, средства массовой информации, институты науки и образования. Кафедры политологии и социальных дисциплин первоначально базировались на кафедрах научного коммунизма и истории КПСС, политология формировалась в полемике с советской школой марксизма-ленинизма. Можно утверждать, что зачастую эта была внутренняя полемика, и многим украинским учёным известна цена и неоднозначность первых лет Независимости. Как писал Хайдеггер: "сущее, анализ которого стоит как задача, это всегда мы сами" [1; с. 41], поэтому вопрос трансформации политических институтов социализма и глубокого анализа новых структур и отношений для представителей политической науки является одним из самых актуальных вопросов политического бытия. Учёные, как и журналисты, оперируют особой виртуальной реальностью, их объединяет задача преобразования факта в нарратацию, действия — в слово. Дискурс гуманитарного знания и медиа — дискурс призваны прояснить политическое действие, дать анализ и оценку политической реальности. Нам кажется, что проблемы, с которыми сталкиваются представители украинских медиа, характерны и для всего поля интеллектуального производства в целом. Поэтому, возможно, анализируя положение СМИ в посткоммунистической реальности, мы сможем уточнить постановку вопросов, касающихся собственно политической науки.

За последнее десятилетие мы стали свидетелями изменений правовой и административной систем, реформ в сфере финансовой политики и отношений собственности. Одновременно с этим — сохранение монополии государства в вопросах контроля и управления политической и экономической жизнью граждан, замораживание приватизации, произвол чиновников. И сегодня, после девяти лет независимости, недостаточно просто обозначить эти процессы. Обречены на неудачу и попытки анализировать политическую систему Украины как "целостный организм", совокупность субъект-объектных отношений: методология анализа стабильных обществ вряд ли применима к стохастической политической системе. Изучение посткоммунистической реальности подразумевает анализ идеологии демократического, открытого общества и идеологии коммунистического тоталитаризма, но включает также и соотнесение идеальных конструкций с действиями политических факторов. Политологический анализ, направленный на изучение институтов посткоммунизма и современного политического процесса, не может обойти опыт и уроки советской действительности. Один из идеологов реформ в России, директор Института экономических проблем переходного периода Егор Гайдар считает, что "профессиональное обсуждение...постсоциалистического развития предполагает в качестве необходимой предпосылки понимание механизма предшествующего социалистического роста, причин возникновения и внутренних механизмов развития этого феномена" [2; с.6]. Наша задача заключается как в демонстрации изменений, которым подверглись средства массовой информации в постсоветский период, так и в анализе преемственности современных украинских

СМИ в отношении СМИ коммунистических.

Средства массовой информации являются одним из базовых институтов современного общества. Пресса, радио и телевидение выражают и формируют общественное мнение, обеспечивают общественный диалог по самому широкому спектру вопросов социального, экономического и политического развития. Для работы журналиста необходимо умение подвергнуть интерпретации факты политической жизни, присвоить определённый смысл общественным явлениям и процессам. Средства массовой информации получают власть "формулировать те или иные проблемы, создавать явления силой слова, то есть навязывать массам определённое видение мира, что достигается их широким распространением и эффективностью влияния зрительных образов на широкую публику" [3; с.209]. Место, которое занимают СМИ в политическом процессе, даёт журналистам, по мнению П. Бурдые, "символическую власть... как власть показывать и убеждать, производить и вводить классификацию, легитимную или легальную" [4; с.79]. В коммунистической системе центральные СМИ получили статус официального голоса власти. Например, о дикторе радио времён Великой Отечественной войны Ю. Левитане ходил такой анекдот: спрашивают Сталина: "товарищ Сталин! Когда война кончится?" — "Левитан скажет". Самого понятия "масс — медиа" тогда не существовало: пресса, радио, телевидение в СССР определялись как "советские средства массовой информации". СМИ западноевропейских стран и США представлялись как средства идеологического контроля, политической и психологической манипуляций [5; с.3]. В противоположность им советские СМИ, как часть целостной системы государственного управления, просто переносили советскую действительность на страницы газет и экраны телевизоров, освещая все события правдиво и точно. Онтологический статус коммунизма как реальности давал возможность журналистам жить в полном согласии со своей совестью и своей аудиторией. Государственное финансиро-

вание воспринималось как нечто само собой разумеющееся — ведь коммунистическое государство для советских людей это не просто часть реальности, государство и было самой реальностью. Пока все символы коммунистической власти образовывали целостность — это была реальная власть, носителем которой являлось коммунистическое государство. Распад символической целостности (гласность, отмена 6 статьи, переоценка ряда исторических фактов), привёл к тому, что бытие утратило статус реальности. Теперь уже оказалось, что и партия, и власть, и государство — это некое подобие, симуляция реальности. СМИ оказались в авангарде революции, которую российский социолог Ю. Качанов называет "символической" и "политической". Вот как он описывает трансформации поля политики: "Символическая революция, совершающая переворот в структурах восприятия, оценивания, классификации и мышления ... есть в первую очередь революция политическая... Публицисты и журналисты, которые возвестили о появлении экономиста-радикала в качестве политического революционера, не сильно ошиблись, даже если совершённая им символическая революция была обречена ограничиваться в большинстве случаев символической же областью. Само по себе право называть (в частности, называть "неназываемое", то, что было при коммунистах незамеченным или вытесненным) представляет собой большую власть... "Демократы" получили возможность монополично распоряжаться метакapиталом российского государства потому, что сумели добиться признания большинством политических агентов своего определения политической действительности, которое в то же время было и признанием их политических практик истинными, а политических практик "коммунистов" — ложными. "Демократическое" видение универсума политических практик породило новые границы между эффективным и неэффективным, правильным и неправильным, рациональным и нерациональным, истинным и ложным в политике: там, где большевики ставили знак минус (разделение властей, политические элиты, пред-

ставительная демократия и т. д.), не упуская случая заклеить капитализм, демократы заменили его знаком плюс и наоборот. Этот символический переворот, не без борьбы принятый большинством граждан и повлекший за собой переоценку ценности КПСС, СССР, Советов и многого другого, привёл в 1991 — 1993 годах к полной инверсии отношений господства/подчинения между позициями поля политики. Новое видение политической действительности стало принципом деления на доминирующих и доминируемых: "демократы" и политические практики рыночной демократии — наверху, а коммунисты и социал-демократы вместе со всем их комплексом политических практик — внизу" [6; с.180]. Факты обычного (законного) поведения коммунистической элиты вдруг стали порождать неожиданные наррации, а группы, маргинальные для советского общества, получили невиданную символическую власть.

При коммунистическом режиме средства массовой информации были разделены на центральные и местные, которые мы сейчас называем региональными. Логика такого разделения изданий очевидна и порождена жёсткой централизацией всей советской системы: региональная пресса являлась эхом центральной — умножая копии решений ЦК, Кабмина и Президиума ВС СССР, она увеличивала их значимость. За счёт этого создавалось единое смысловое пространство и одновременно структурировалось информационное пространство: местные события отражались в основном местными средствами массовой информации, и, лишь изредка, в силу их особого значения для всех советских людей, в центральных изданиях. Информационная волна всегда была направлена из центра на места. Обвал коммунистической системы привёл к новой конфигурации смыслового пространства. Московские издания в силу разных причин проиграли борьбу на украинском рынке медиа, и существуют в усечённом виде с обязательной припиской к названию "... в Украине". Такая же ситуация сложилась и на рынке электронных СМИ. Заполнить вакуум призваны теперь киевские и региональные издания,

теле- и радиостанции. Тем не менее очевидно, что разделения на центральную и региональную прессу в смысловом отношении больше не существует. Казалось без жёсткого диктата "сверху" региональная пресса станет независимой и вместо пассивной пропаганды коммунистического централизма займётся активной поддержкой демократических ценностей и свобод. Однако рынок медиа сегодня разделён не по идеологическому принципу (либерализм — консерватизм, демократия — тоталитаризм), а по принципу принадлежности к одному из региональных кланов. Вообще, после президентских выборов 1994 года центр общественных дискуссий переместился из поля западных идеологий к обсуждению некой "государственной идеологии", или идеологии "государственно" мыслящих людей, стоящих у власти. Журналисты, в начале 90-х получившие относительную свободу от государства, уже к 1995 году вновь попали в зависимость — частично к новой номенклатуре, а частично к банковским и коммерческим структурам. Банкиры и коммерсанты, появление которых в Украине и на всём постсоветском пространстве считалось одной из побед рыночных свобод и либеральной идеологии, также не смогли отстоять своей независимости. Вот как объясняет эти процессы бывший председатель правления Центрального банка Российской Федерации Виктор Герашенко (В. Г.) в диалоге с культурологом Татьяной Чередниченко (Т. Ч.):

"(В. Г.): Предложения Хайека или Фридмана возникли в поиске ответов на те вопросы, которые сформулировал Кейнс в 1930-е годы. Для каждого периода экономического и социального развития общества может существовать несколько подходов к решению проблем, с которыми сталкивается общество. Монетарные теории возникли в тупиковой ситуации послевоенных лет, это была попытка опереться на силы, независимые от истощенного государства. Но на деле от государства и государственных интересов невозможно оторваться никакому отечественному банкиру, и потому практический успех монетаризма был недолгим и частичным. Гэлбрайт в одном из

выступлений, говоря о послевоенных экономистах, высказал мысль, что нынешние экономисты менее солидны. Я бы сегодня повторил за ним эту мысль. Наблюдается упрощенный подход к проблемам. Само экономическое и социальное положение, несравненно более благополучное, чем до войны, позволяет более книжно и поверхностно судить о вещах. С этим обстоятельством связаны и многие ошибки в нашем развитии последних лет. Но даже если явных ошибок не допущено и достигнут, как в западных странах, результат — устойчивая экономика, то и тут свобода остаётся неким мифом. Свободу в смысле либеральных теорий невозможно иметь в обществе, которое ориентировано на стоимостные ценности. Либеральным можно быть на каком — нибудь папуасском острове, где всё под рукой, не нужно развитое производство и многосторонняя система рыночного обмена. Впрочем, даже если взять природу, то в мире жизни полной свободы нет.

(Т. Ч.) Так что же, "свободный рынок" — это миф?

(В. Г.) В значительной степени миф. Есть объективные тенденции развития стран и человечества в целом. И социализм, и либерализм, — всё вытесняется прагматическим подходом. Рано или поздно и мы станем прагматиками"[7; с.29].

Средства массовой информации одними из первых почувствовали на себе смену парадигм в управлении государством: российские СМИ во время президентской кампании 1996 года, украинские — в ходе парламентских выборов 1998 и предвыборной кампании 1999 годов. Например, по данным газеты "День" в Украине осуществились попытки ликвидации таких СМИ, как днепропетровский "11-й канал", 4 крымских телекомпаний, газет "Политика" и "Днепропетровская правда" (см. статью И. Гавриловой "Почему хорошие законы не приводят к хорошим последствиям?", "День", № 162, 4 сентября 1999 г.).

В постперестроечный период представители журналистского цеха Украины столкнулись с проблемами, тревожа-

щими их западных коллег уже не одно десятилетие. П. Шампань, французский исследователь поля журналистики, считает, что проблемы журналистов — в политическом и экономическом давлении, которое на них оказывается: "хотя в демократических странах журналистика практически независима от политической власти, но при этом она испытывает сегодня большое давление со стороны экономического поля. Точнее говоря, политическая власть над прессой действует посредством экономической". П. Шампань выделяет две причины озабоченности французских журналистов: "первая [причина] состоит в настороженном отношении журналистов к политической власти и их приверженности принципу свободы печати. Вторая носит экономический характер и связана с тем, что пресса всё больше подчиняется законам рынка: прибыль становится важнее, чем абстрактные этические или деонтологические соображения. Эта двойственность положения журналиста, зажатого между профессиональными идеалами и суровой действительностью, приводит к тому, что журналистика становится профессией, которая вызывает полярно противоположные оценки со стороны общества. Образ журналиста, с одной стороны, связан с престижной фигурой "известного репортёра", который иногда платит жизнью за освещение конфликта, или же журналиста, проводящего собственное расследование и тем самым "служащего обществу", или известного политического обозревателя, критически обсуждающего высших должностных лиц государства; с другой стороны, существует образ продажного журналиста, пишущего хвалебные статьи, наживающегося на чужих несчастьях...и на освещении частной жизни известных людей"[3; с. 211]. Ещё одна проблема, характерная и для украинских СМИ — это несоответствие профессиональной подготовки журналистских кадров и того влияния на общественность, которое они получают в силу широкого распространения их информации.

После Второй мировой войны произошло разделение политических систем

по признаку принадлежности к одному из враждующих лагерей — лагерю социалистических стран (идеология коммунизма) и капиталистическому лагерю (либеральные ценности). Состояние идеологической враждебности, которое пронизывало их отношения на протяжении более трёх десятилетий, историки и политологи называют "холодной" войной. Поражение в холодной войне заставило коммунистическую элиту обратиться к симуляции. Распад коммунистической системы привёл к распаду целостности восприятия и потере чувства реальности. Теперь масс — медиа отражают не реальность, но реальности; не мир, но миры; не общество, но общества, умножение которых происходит по законам геометрической прогрессии. Вместо Голоса появились голоса, за которыми отныне стоят узкокорпоративные интересы, и которые стремятся к политическому и психологическому (но не онтологическому) господству и используют для этого все доступные им средства манипуляции. Соответственно их информацию уже нельзя называть правдивой и истинной. Практически выключенные из мировой экономической системы, страны бывшего СССР вошли в глобальный информационный поток, и в дискуссии о трансформации либеральных ценностей в эпоху посткоммунизма. Анализируя свой политический опыт и историю западных институтов, ряд российских авторов приходит к интересным заключениям о соотношении между коммунистическими и либеральными ценностями в работе СМИ: "Реклама, встроенная в систему либерального рынка, постепенно развивалась к сегодняшнему состоянию, когда, продвигая определённый продукт, услугу или сделку, она одновременно "продает" саму систему, в которую встроена, и тем самым содействует глобалистской унификации мира. Но одновременно она девальвирует эту систему, поскольку низводит её до рекламируемых частных... Точно также обстоит дело со зрелым дискурсом советской пропаганды. Он тоже сводил общественное целое к частностям, тем самым производя "уценку" ключевых ценностей (ещё В.И. Ленин уценил ком-

мунизм, сведя его к электрической лампочке: "Коммунизм — это советская власть плюс электрификация...")... Если либерально-рыночный порядок пришел к виртуальному перекосам от изобилия, то тоталитарно-нерыночная система — от дефицитов. Ведь идеологические приоритеты давили хозяйственный здравый смысл. Различие либеральной и тоталитарной рекламы, то есть слогана и лозунга коренится в том, что советская идеология "продвигала" не товары (а уж вместе с ними глобальную экономико-политическую власть), а исторические цели, которые выступали как "слова власти" и персонифицировались декламаторами этих слов. Подданные же "покупали" эти цели и воплощавшую их власть не деньгами, а натурой (собственной) — лояльным социальным поведением, бытовыми лишениями, трудовым энтузиазмом. В обмен на эти выплаты люди получали не потребительский комфорт, не овеществлённое в текущем потреблении настоящее, а "уверенность в завтрашнем дне"... Продолжим аналогию и напомним, как легко был сброшен с парохода современности советский порядок, как быстро он преобразился в номенклатурно-капиталистический рынок. Возможно, и либеральная система может преобразиться в экономическую глобалократию. И нет твёрдых гарантий, что это произойдет под "демократическим зонтиком" США, как о том пишет З. Бжезинский, а не под, например, криминальным зонтом соединяющихся в планетарную мафию наркобаронов" [7; с.23]. Более того, в современном мире происходит стирание границ между враждовавшими некогда идеологическими конструктами: "Многopартийная система — это скорее отголоски прошлого. Можно сказать, что общество движется к партийной "двуполюстности". И не столько в смысле разделения полов, сколько в смысле их взаимодействия. Так что чуть ли не правильнее даже будет сказать об "однополюстности" общества. Ведь если посмотреть на эволюцию США, то за послевоенный период демократы были у власти недолго. Дж. Кеннеди называли президентом аутсайдеров. Смена партий происходит потому, что любое правительство

ку сама установка на понимание отрицается принятым в ретропространстве СМИ принципом рыночно-постмодернистской игры... Прошлое в конкурентной борьбе СМИ за аудиторию становится привлекательным ресурсом, поскольку актуальная информация заранее девальвирована" [7; с. 39].

Философ Пьер Клоссовски отмечает, что "...симулякр обладает одним преимуществом: в нём нет намерения закрепить то, что он представляет из опыта, и то, что он выговаривает о нём; он не просто не боится противоречий — симулякр замешан на них". И далее: "...симулякр не совсем псевдопонятие: последнее ещё могло бы стать точкой опоры, поскольку может быть изобличено как ложное. Симулякр образует знак мгновенного состояния и не может ни установить обмена между умами, ни позволить перехода одной мысли в другую" [9; с. 82]. Что же в таком случае представляют собой институты посткоммунизма, в том числе институт масс — медиа?

В конце 80-х — начале 90-х годов произошло окончательное крушение коммунистической реальности. В тот момент всё, что нам осталось от СССР, это подобие государства, системы науки и образования, армии, средств массовой информации, какими мы их знали раньше. В то же время появлялись новые институты, заимствованные у Запада. Это коммерческие структуры, банки, органы местного самоуправления, приватные масс — медиа. Однако качественно позиция газет не изменилась. Украинские масс — медиа так и не стали акторами в поле политики. Изменились позиции региональных элит, и пресса, так и не обретя собственного голоса, стала эхом клановых интересов. Говорит не журналист, говорят кланы и региональные лидеры, в лучшем случае через журналиста, через издание, чаще — вместо них.

Посткоммунистические масс — медиа (или — СМК?) являются, с одной стороны, симулякрами советских СМИ, а с другой стороны, симулякрами Западных медиа. Поэтому они ориентирова-

ны как на разубеждающее воздействие, на уничтожение и разыгрывание смысла, так и на активное сотрудничество с властями, работая на заказ и осуществляя манипулирование массами. Изучение политической реальности предполагает использование различных методов исследования и типов политологического анализа, которые могли бы адекватно описать политические процессы и факты, способствовать их объяснению и пониманию. К таким методам, по нашему мнению, относится анализ политического поля как коммуникации по поводу распределения власти. Например, президент Украинской ассоциации публик рилейшнз Г. Почепцов предлагает двадцать пять теоретических моделей коммуникации и шесть прикладных моделей [10].

Конструирование политической реальности — это непрерывный процесс, в котором задействованы одновременно все агенты поля политики. Отношения производства \ воспроизводства политической реальности предполагают как наличие определённых институтов и организаций (государство, органы местного самоуправления, партии, средства массовой информации и др.), так и коммуникацию между ними. Для Украины характерно то, что реальные агенты поля скрыты от глаз общественности, хотя могут быть институционально оформлены (например, коррупция и мафиозные образования). Поэтому, помимо анализа коммуникации (выраженной в вербальной или невербальной форме) и институционального аспекта политологического анализа, необходим ещё функциональный аспект. Он строится исходя из системы политических фактов. Под "политическим фактом" мы будем понимать эмпирический материал, действие в политической реальности, ориентир, который подлежит политологическому анализу. Событие, произошедшее в пространстве и времени повседневности, становится политическим фактом в процессе соотношения с Целью — политической реальностью. Политический факт есть не само событие, а его интерпретация, отнесение к разря-

ду подобных, соотносении с реальностью, "включение" в реальность. Признание свершившегося события политическим фактом требует соответствия события и политической реальности. Чаще всего мы можем мгновенно различить политический факт, но иногда необходим более тщательный анализ. В любом случае, нам следует сопоставить имеющиеся интерпретации с представлениями о мире политического, с политическим пространством не как совокупностью институтов, но как с символической реальностью. Факты приобретают символический характер, а цель политологического анализа выяснить взаимосвязь фактов, соединить теорию и факты политической практики. Ж.-М. Денкэн считает, что "политические факты — не нейтральны. Они плохо поддаются спокойному и объективному изложению, ибо даже способ их изложения произведён от политики"[11]. Понятия политической науки, их внутренняя логика, смысл, который уже задан, есть система анализа фактов. Неоднозначность политологии, как гуманитарного предмета, состоит в том, что "мир политики состоит из фактов сознания", потому понятие и факт в поле политологии всегда перемещаются относительно друг друга и относительно реальности, присваивая различные смыслы, и нарушая границы как науки, так и политического действия. Именно в этом смысле мы говорим о конструировании политической реальности, ведь подлинная интерпретация невозможна в отсутствии факта (события). Процесс перечисления фактов, не включающий их "называние", придание неких значений, в свою очередь, приведет к отсутствию понимания, разрыву коммуникации и диалога, без которых немислима современная политика. Политическая реальность посткоммунизма включает, по мнению В. Полохало, "широкий спектр как традиционных моделей общественного развития (демократических, коммунистических, фашистских, националистических), так и новых — временами химерных, гибридных, неототалитарных..."[12; с. 10]. Соответ-

ственно и анализ политических институтов посткоммунизма должен включать различные теоретические конструкции и методы политологического, и, шире, гуманитарного знания.

Литература:

1. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Перевод В.В. Бибихина. *Ad Marginem*. Москва, 1997.
2. Гайдар Е. *Аномалии экономического роста*. Издательство "Евразия", М., 1997.
3. Шампань П. *Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики*. *Socio-Logos' 96. Альманах Российско — Французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук*. — М.: *Socio-Logos*, 1996.
4. Бурдые П. *Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко./* — М.: *Socio-Logos*, 1993.
5. *Методы изучения аудитории английского радио и телевидения. Информационный бюллетень № 26(41). Серия: переводы и рефераты*. М. — 1969.
6. Качанов Ю. *Политическая топология: структурирование политической действительности*. *Ad Marginem*. Москва, 1995.
7. Чередниченко Т. *Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах / Актуальный лексикон истории культуры*. — М.: *Новое литературное обозрение*, 1999.
8. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции (реферат В. Фурс) / Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов*. — Мн.: Изд. ООО "Красико-принт", 1996.
9. Клосовски П. *Симулякры Жоржа Батая. / Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века./* — СПб.: Мифрил, 1994.
10. Почепцов Г. *Теория и практика коммуникации*. — М.: Центр, 1998.
11. Денкэн Ж.-М. *Политическая наука*. М., 1993.
12. *Політологія посткомунізму: політичний аналіз посткомуністичних суспільств*. — К.: *Політична думка*, 1995р.